

tyranny in Athens. On the other hand, there is no evidence in the literary sources of its having taken place at all.

Having analyzed the testimony of the sources and studied the literature concerning this problem, the author, without claiming to have found the final solution to the problem, submits the following hypothesis:

The Alcmaeonid clan apparently was not so closely united that all its members would belong to the same political group or always act together. At different times in the history of Athens representatives of the Alcmaeonids, who for the most part traced their origins to Megacles, entered into agreements with representatives of the Peisistratids in order to achieve certain political aims.

The rapprochement of Cleisthenes and the Peisistratids and the fact that he held office as archon in Athens under the tyranny might have been only one of many such instances.

The archonship of Cleisthenes was relatively uneventful, so that it may well have left no trace in history. Or perhaps the omission was due to Cleisthenes' adherents and later those of Pericles, who may have seen to it that the fact of his archonship was not much publicized.

The generally accepted thesis, that on the eve of the overthrow of the tyranny Cleisthenes was in exile and directing the Alcmaeonids, has not been borne out in the sources. The author suggests that Cleisthenes and his supporters were in Athens from 525/4 B. C. until the fall of the tyranny. Athens was freed from the tyranny by the Lacedaemonians together with those Alcmaeonids who remained in exile throughout the tyranny.

However, Cleisthenes, after the expulsion of Hippias, was left without a powerful ally. He had only his closest henchmen now. This circumstance may have prepared the ground for Cleisthenes' appeal to the demos and his subsequent measures designed to increase the citizen body of Athens.

Compared with Peisistratus, who extended citizen rights to certain elements of the demos as a device to strengthen his own power, Cleisthenes extended such rights as an essential part of a broad programme of democratization and centralization of the Athenian state.

К ЛОКАЛИЗАЦИИ ТО ΤΗΣ ΛΕΥΚΟΘΕΑΣ ΤΕΡΟΝ

(Материалы к истории храмовых городов древней Грузии)

Страбон при описании Колхиды пишет (XI, 2, 17):

... ὑπέρκειται δὲ τῶν λεγόντων ποταμῶν ἐν τῇ Μοσχινῇ τὸ τῆς Λευκοθέας ἱερόν, Φρίξου ἱδρυμα, καὶ μιντεῖον ἐκείνου, ὅπου κρῖος οὐ θύεται, πλοῦσι δὲ ποταμοὶ ὑπέρκειν, συληθέν δὲ ἐπὶ Φαρνάκου καὶ ἡμᾶς, καὶ μικρὸν ὕστερον ἐπὶ Μιθριδάτου τοῦ Περγάμενός.

«Выше названных рек (Фасис, Главк, Гипп.—*О.Л.*) в стране мосхов находится святилище Левкотей, построенное Фриксом, и его оракул, где не приносят в жертву барана; некогда оно было богато, но в наше время было разграблено Фарнаком и несколько позже Митридатом Пергамским»¹.

¹ Мы пользовались следующими изданиями текста «Географии» Страбона: Н. L. Jones, The Geography of Strabo. With an English translation, L., 1917—1932; Strabo's Geographica, ed. A. Meineke, Lipsiae, 1915—1925; W. Aly, De Strabonis Codice Rescripto (Cuius Reliquae in Codicibus Vaticanis Vat. Gr. 2306 et 2061 A Servatae Sunt), «Studia Testi», Vaticano, 1956. К сожалению, в этой наиболее древней рукописи не сохранился интересный нас отрывок (XI, 2, 17). Переводы: SC, I, 1, стр. 91—134; ВДИ, 1947, № 4, стр. 177—241; Страбон, География, пер. Г. А. Стратановского, М., 1964; Т. С. Каучишвили, «География» Страбона (Сведения о Грузии), Тбилиси, 1957 (на груз. яз.).

Данное сообщение Страбона рассматривается как свидетельство о наличии в древней Грузии крупных храмовых общин², аналогичных многочисленным храмовым общинам Малой Азии и Армении³.

Изучение храмовых центров эллинистической Малой Азии и Армении показало исключительное многообразие их социально-экономического строя и политической структуры: встречаются как простые храмовые деревни, так и весьма развитые храмовые города-государства полисного типа, а иногда и целые объединения храмовых городов и даже теократические государства. Несмотря на все разнообразие политических форм храмовых общин эллинистической Малой Азии (от храмовых деревень до теократических государств), их роднит общность происхождения: все они берут начало в древнейших сельских общинах, которые группировались вокруг святилища⁴, что наглядно иллюстрировано до высшей степени интересными этнографическими данными о пережитках храмовой общины в горной Грузии⁵.

К сожалению, нам мало что известно о структуре святилища Левкотей, о котором упоминает Страбон. Только лишь сведения о его богатстве⁶, а также о наличии при святилище оракула⁷ могут указывать на то, что оно, возможно, имело много общего с храмовыми общинами Малой и Передней Азии⁸. Не менее сложен и вопрос о локализации этого святилища, который вызывает, несомненно, большой интерес. По сведениям Страбона, святилище «находится в стране мосхов» (ἐν τῇ Μεσχίῳ). На этом лишь основании почти все исследователи⁹ предполагали, что святилище Левкотей следует искать на территории исторической Месхетии, т. е. Южной Грузии¹⁰. Однако географическая номенклатура, упомянутая Страбоном при описании местонахождения святилища, как нам кажется, дает основание для иной локализации.

В первую очередь обращает на себя внимание (а всеми предшествующими исследователями почему-то игнорировалось) то, что Страбон при определении местонахождения святилища Левкотей называет р. Фасис и ее притоки — Главк и Гипп, поясняя, что святилище находится «выше названных рек» (ὀπίρκειται δὲ τῶν λεχθῆντων ποταμῶν).

² С. Н. Джанашиа, К возникновению феодальных отношений в Грузии. «Труды», т. 1, Тбилиси, 1952 (на груз. яз.), стр. 153 сл.; А. И. Болтунова, Возникновение классового общества и государственной власти в Иберии, ВДИ, 1956, № 2, стр. 41; Г. А. Меликишвили, К истории древней Грузии, Тбилиси, 1959, стр. 406—413.

³ Strabo, XII, 2, 3—6; XII, 3, 32—37; см. подробнее А. Г. Перихания, Храмовые объединения Малой Азии и Армении, М., 1959.

⁴ Перихания, ук. соч., стр. 173.

⁵ В. В. Бардавелидзе, Земельные владения грузинских святилищ, СЭ, 1949, № 1; она же, Хевсурская община, САНГ, XIII, № 8, 1952; она же, Система управления хевсурской общины, САНГ, XIII, № 10, 1952.

⁶ По мнению Г. А. Меликишвили, сообщение Страбона о разграблении святилища Левкотей могучими правителями Понта и Восточного Босфора указывает на то, что речь идет, несомненно, не только о разграблении самого храма и хранящихся в нем ценностей, а скорее всей области, принадлежащей храму (ук. соч., стр. 407 сл.).

⁷ В малоазийских храмовых общинах вещания оракулов долгое время (вплоть до II—III вв. н. э.) служили формой юрисдикции (Перихания, ук. соч., стр. 173). Большой интерес с этой точки зрения представляют также грузинские этнографические данные, свидетельствующие о том, что решения высших органов храмовой общины объявлялись в виде вещания оракулов и им придавался характер божественного волеизъявления (см. Бардавелидзе, Система управления хевсурской общины, стр. 627).

⁸ Термин *τὸ ἱερόν*, которым обозначено святилище Левкотей, широко применялся Страбоном для определения храмовых общин Малой Азии: XII, 2, 3; XII, 2, 5—6; XII, 3, 32—37; XIV, 2, 23; ср. Перихания, ук. соч., стр. 8 сл.; W. M. Ramsay, The Cities and Bishoprics of Phrygia, vol. I, Oxf., 1895, стр. 84 сл., 122 сл.

⁹ Большинство исследователей не уточняют местонахождение святилища, ограничиваясь общим определением. При этом некоторые относят его к Иберии (см., например, Болтунова, ук. соч., стр. 41; Меликишвили, ук. соч., стр. 407), а другие — к Колхиде (Джанашиа, ук. соч., стр. 154).

¹⁰ Лишь Д. Надирадзе указал на возможность локализации святилища в ущелье р. Квирила (с. Сапхра) — см. «Коммунизм» (на груз. яз.), 23.III.1967.

Река же Фасис ¹¹, как известно, обычно отождествляется с нынешней Риони. При этом античные писатели Фасисом называли не весь Риони, берущий начало в горах Кавказа ¹², а как правило, лишь его нижнее и среднее течение (примерно до окрестностей Кутаиси — с. Гегути), а затем совр. р. Квирила ¹³.

Река Фасис в «Географии» Страбона упоминается несколько раз ¹⁴. Однако на первый взгляд создается впечатление, будто Страбон под названием «Фасис» подразумевает две разные реки ¹⁵. В начале того параграфа (XI, 2, 17), в котором речь идет о святилище Левкотей, сказано: «...остальная часть Колхиды большей частью расположена у моря. Через нее протекает Фасис — большая река, которая берет начало в Армении и принимает Главк и Гипп, низвергающиеся с соседних гор». По этому лишь отрывку, так как Фасис «имеет начало в Армении» (... ἐξ Ἀρμενίας τὰς ἀρχαίς ἔχων), можно было предположить, что под Фасисом здесь подразумевается южная река Колхиды Чорохи ¹⁶, примерно так же, как еще раньше некоторые греческие авторы Фасисом одновременно называли и Аракс и Риони ¹⁷. В таком случае, действительно, очень просто был бы решен вопрос о локализации святилища Левкотей на территории нынешней Месхети, т. е. Южной Грузии. Но действительно ли указание Страбона о том, что Фасис «берет начало в Армении», может служить сколько-нибудь веским доказательством того, что в интересующем нас отрывке «Географии» (XI, 2, 17) речь идет о р. Чорохи, а не о Риони? Дело в том, что, как это не раз указывалось в специальной литературе ¹⁸, греко-римские авторы не всегда имели правильное представление об истоках Фасиса-Риони. Так, наиболее раннее и, пожалуй, правильное определение истоков Фасиса в горах Кавказа мы находим в «Метрологии» Аристотеля ¹⁹. Однако более поздние ав-

¹¹ Реку Фасис в греческой литературе впервые упоминает Гесиод («Теогония», 337—340), затем Геродот (I, 2, 104; IV, 37), Пиндар (Pyth., IV, Ant. 10) и др.

¹² Риони — самая многоводная река Западной Грузии, начинается на главном водораздельном хребте Большого Кавказа, у подножия горы Пасис-Мта. Предполагают, что отсюда и происходит название реки (см. подробнее М. Д. Бердзанишвили, К истории города Фазиса, Тбилиси, 1969 (на груз. яз.), стр. 85—88. Географические названия с основой «фас» широко распространены в топонимике и вообще ономастике Западной Грузии (см. Бердзанишвили, ук. соч., стр. 87—88; Т. К. Микеладзе, К вопросу об этнической принадлежности фасисов, МИГК, 32, 1955 (на груз. яз.), стр. 27 сл. Ср. Г. А. Меликишвили, К вопросу о древнейшем населении Грузии, Кавказа и Ближнего Востока, Тбилиси, 1965, стр. 50—68).

¹³ С. Н. Джанашиа, Фасис (Из исторической географии Колхиды), «Труды», II (на груз. яз.), стр. 274.

¹⁴ Ср. Strabo, I, 2, 38—39; II, 1, 39; VI, 4, 2; VII, 3, 6; XI, 2, 16—17; XI, 3, 4; XI, 14, 7.

¹⁵ Римский поэт Валерий Флакк (Arg. I, 1—4), Псевдо-Плутарх (V, 1 = SC, I, 500) и некоторые поздние комментаторы р. Фасис иногда помещают даже в стране скифов (Sch. ad Pund. Pyth. IV, 376 b; Sch. ad Arist., Eis Nesēlas, V, 109).

¹⁶ Византийский историк Прокопий Кесарийский, описывая современную р. Чорохи, называл ее «Боас» и утверждал, что верхнее ее течение называют то Акамписом (Ἀκαμφίς — BG, VIII, 2), то Фасисом (BP, II, 29).

¹⁷ См., например, Герод., I, 2, 104; II, 103; IV, 37, 86. Здесь речь идет о реке Колхиды (Рион), но в VI, 84, возможно, об Араксе (Т. С. Каухчишвили, Сведения Геродота о Грузии, Тбилиси, 1960, стр. 146). Более определенно Аракс (вернее, его верхнее течение) Фасисом называется в «Анабасисе» Ксенофонта (IV, VI, 4); ср. Джанашиа, Фасис, стр. 271 сл.; Бердзанишвили, ук. соч., стр. 70; Ксенофонт, Анабасис (пер., статья и примечания М. И. Максимовой), М.—Л., 1951, стр. 296; Т. К. Микеладзе, «Анабасис» Ксенофонта, Тбилиси, 1967, стр. 153; в то же время в V, VI, 36 и V, VII, 1, 5, 7, 9 под Фасисом совершенно явно подразумевается Риони.

¹⁸ Джанашиа, Фасис, стр. 274 сл.; Бердзанишвили, ук. соч., стр. 94 сл.; ср. ВДИ, 1947, № 4, стр. 215, прим. 8.

¹⁹ Ag. s. t., Meteorologica, I, 13, 23—26 (fr. 350^a): «ἐκ δὲ τοῦ Καυκάσου ἄλλοι τὸ ῥέουσι πολλοὶ καὶ κατὰ πλῆθος καὶ κατὰ μέγεθος ὑπερβάλλοντες, καὶ ὁ Φάσις». О том, что речь идет о Большом Кавказе, видно и из последующего изложения; см. также I, 13, 8—16 (fr. 351^a), ср. Бердзанишвили, ук. соч., стр. 97; Т. С. Каухчишвили, Сведения греческих писателей о Грузии, II, Тбилиси, 1969 (на груз. яз.), стр. 8—9.

торы дают довольно противоречивые сведения²⁰. Так, например, по Аполлонию Родосскому, Фасис (Риони) течет «из гор Амарантов»²¹, а по сведениям Эратосфена (к которому и восходят, по-видимому, сообщения Страбона), Фасис берет начало в Армении²². Римские же писатели Плиний и Солин считают, что истоки «находятся в стране мосхов»²³.

Противоречивы сведения об истоках Фасиса и в самом сочинении Страбона, и объясняется это, видимо, тем, что они восходят к разным источникам²⁴. Если в одном случае (XI, 2, 7) истоки Фасиса (по-видимому, исходя из Эратосфена) указываются в горах Армении, то в другом случае (XI, 3, 4), восходящем, как предполагают, к Феофану Митиленскому²⁵, совершенно очевидно, что речь идет о Большом Кавказе («истоки Фасиса в горах, лежащих над Иберией»)²⁶.

Таким образом, указание Страбона, будто «Фасис берет начало в Армении», не следует понимать в прямом смысле и тем самым отождествлять р. Фасис с Чорохи. Обращает на себя внимание и сообщение Страбона, что «Фасис, который имеет начало в Армении, принимает Главк и Гипп» (XI, 2, 17). Так как святилище Левкоtei «находилось выше названных рек», их идентификация также имеет важное значение. Обе эти реки упоминаются и другими античными авторами. Однако локализация Главка (Γλα-

²⁰ Сведения об истоках Фасиса в горах Большого Кавказа повторяют лишь авторы IV—VI вв. н. э.: Василий Великий, III, 6 (= SC, I, стр. 718); Амвросий Медиоланский, 3, 12 (= SC, II, 2, 348); Юлий Гонорий, А, 34 (= SC, II, 2, 442) и Прокопий Кесарийский, BG, VIII, 3.

²¹ Apoll., Rhod., Argonautica, II, 399; ср. III, 1220. По указанию схоластика «Амарантос... город в Понте. Другие же говорят, что [это] гора в Колхиде, откуда течет Фасис» (ὁ γὰρ τῆς Κολχίδος ἐξ ὧν ὁ Φάσις ποταμὸς καταφέρεται). Предполагают, что здесь подразумеваются настоящие истоки р. Фасиса-Риони, т. е. гора Пасис-мта (Бердзинишвили, ук. соч., стр. 95—96), которую устное предание называет также Амиранис-мта (ср. греч. Ἀμυραντός). Подробно см. Аполлоний Родосский, Аргонавтика (груз. пер. и комм. А. Урушадзе), Тбилиси, 1970, стр. 346 сл.

²² О том, что у Эратосфена имелось такое сообщение, видно из указания схоластика Аполлония Родосского (II, 399). То же самое об истоках Фасиса повторяют: автор Страбоновой Хрестоматии («Из книги XI» = SC, I, стр. 170), писатель II в. н. э. Дионисий («Землеописание», сткк. 691—694 = SC, II, 2, стр. 185), византийский грамматик Присциан в латинском пересказе «Землеописания» Дионисия (SC, II, 2, стр. 439), Стефан Византийский (s. v. Ἀρμενία) и Евстафий Фессалоникский в своих комментариях к «Землеописанию» Дионисия (= SC, I, стр. 204—205).

²³ Plin., NH, VI, 13: «Phasis oritur in Moschis». Дальнейшее описание этой реки не оставляет никакого сомнения в том, что речь идет именно о совр. р. Риони (вернее о ее начальном и среднем течении). Указания Плиния о начале Фасиса в стране мосхов повторяет и Солин (15. 19); С. Н. Джанашиа (ук. соч., стр. 275) обратил внимание также на тот весьма любопытный факт, что и в довольно позднее время (1650—1652 гг.) русские послы, будучи в Имерети, считали, что истоки р. Квирилы (т. е. верхнее течение р. Фасиса), берущей начало в горах Большого Кавказа, находятся в горах Гадо-Ахалцихского хребта (т. е. в Месхети): «Другая река Курла (Квирила. — О. Л.) вышла из гурельской земли меж гор (Гадо-Ахалцихский хребет. — О. Л.) и впадала близко Кутатиса в Реонь-реку, от Кутатиса верст с шесть. И до того устья, где впадала, от Черного моря, подле дильянской земли, ходят гребные струги» — «Статей список посольства в Имеретию в 1650—1652 гг., составленный Алексеем Иевлевым» (русский текст с груз. пер. подготовил И. З. Цинцадзе), Тбилиси, 1969, стр. 88.

²⁴ По замечанию М. И. Ростовцева: «почти во всей своей книге Страбон не перерабатывает своего материала, а его эксперпирует или, лучше сказать, сокращает, причем механически соединяет выдержки из источников разных категорий» — М. И. Ростовцев, Страбон как источник для истории Боспора, сб. в честь В. П. Бузескула, стр. 366.

²⁵ Подробнее см. А. И. Болтунова, Описание Иберии в «Географии» Страбона, ВДИ, 1947, № 4, стр. 151 сл.

²⁶ γενοῦνται (ὁ Φάσις — О. Л.) δ' ἐκ τῶν ὑπερκειμένων ὀρέων πολλὰς συμπληρούμενος πηγῶν. Хотя и здесь отсутствует слово «Иберия» (а в наиболее древней — ватиканской — палимпсестной рукописи нет и слова ὀρέων; ср. Alu, De Strabonis..., стр. 58), тем не менее по общему контексту ясно, что речь идет об Иберии, и большинство переписчиков добавляет слово «Иберия» — SC, I, стр. 139—140; ВДИ, 1947, № 4, стр. 218; Страбон, География, пер. Г. А. Стратановского, стр. 474.

был) не совсем ясна. Обычно считают, что это р. Квирила, левый приток Риони²⁷. Однако так как в «Географии» р. Квирила мыслится как верхнее течение р. Фасиса (XI, 2, 17; XI, 3, 4), то едва ли правильно р. Главк идентифицировать с Квирилой. Нам кажется более вероятным предполагать, что здесь имеется в виду левый приток Фасиса — р. Сулори. Реку Главк упоминает и греческий географ II в. Клавдий Птолемей и считает ее притоком р. Ансара (V, VI, 6), т. е. Чорохи. Не совсем просто решается и вопрос идентификации Гиппа (Ἰππῆς — «лошадь»): на основании сведений Плиния (NH, VI, 5), Прокопия Кесарийского (BG, VIII (IV), 1, 8) и других он отождествляется с нынешней р. Цхенисцкали (т. е. «река лошади»). С другой стороны, в сочинениях Клавдия Птолемея (V, IX, 2) и Арриана (PPE, § 14) под Πίρρος, несомненно, следует подразумевать нынешнюю р. Кодори²⁸. Таким образом, об интересующих нас реках в сочинениях греко-римских писателей сохранились совершенно различные и противоречивые сведения. Поэтому совершенно естественно, что при локализации святилища Левкотей и идентификации упомянутых вместе с ним рек Фасиса, Главка и Гиппа следует исходить в первую очередь из данных самого Страбона.

Названные выше реки Страбон упоминает также и при описании соседней с Колхидой Иберии (XI, 3, 4): «Есть четыре входа в страну (т. е. в Иберию. — О. Л.): один — через Саранапа, колхскую крепость и примыкающие к ней ущелья, через которые Фасис, сделавшийся вследствие своей извилистости доступным для переправы с помощью ста двадцати мостов, быстрый и бурный, несется в Колхиду... Он берет начало в выше лежащих горах Иберии, пополняясь многочисленными ручьями, а на равнине принимает и другие реки, среди них Главк и Гипп. Став полноводным и судоходным, он впадает в Понт, и у его устья находится одноименный город и поблизости озеро». То же самое сообщает и XI, 2, 7: «Фасис — большая река, берущая начало в Армении, она принимает притоки — воды Главка и Гиппа» — и далее: «Фасис судоходен до Саранапа²⁹ — крепости, в которой может поместиться даже население целого города... На реке Фасис лежит одноименный город — торговый центр колхов, огражденный с одной стороны рекой, а с другой — озером, а с третьей — морем». Совершенно бесспорно, что в обоих случаях речь идет о совр. р. Риони (у устья которой находился знаменитый город Фасис³⁰) и его притоках.

²⁷ И. А. Джавахишвили, История грузинского народа, I, Тбилиси, 1951 (на груз. яз.), стр. 417; ср. ВДИ, 1947, № 4, стр. 215, прим. 9.

²⁸ Н. Ю. Зомоури, Из исторической географии древней Колхиды, ВДИ, 1957, № 4, стр. 103.

²⁹ Упоминаемая Страбоном дважды крепость Σαρραπυζή (ср. также Ργοσαεσαга, ВР, II, 29; BG, IV (VIII), 43, 46; Iustiniani Novell., XXXI (XXVIII)) отождествляется с совр. Шоранапи.

³⁰ Местонахождение гор. Фасиса еще окончательно не установлено, несмотря на неоднократные указания источников, помещающих его на левом берегу р. Фасис, у ее устья (Страбон, XI, 2, 17; Арриан, Перипл, § 9; Птолемей, V, 9, 2; Аноним, V в., § 46, Агафий, III, 30). Упоминание же Страбоном (XI, 2, 17; 3, 4) и Агафием (III, 24) озера, отождествляемого с совр. озером Палиатоми, делает очевидным, что город находился в окрестностях совр. гор. Потн. Однако частые перемещения русла р. Риони и неустойчивый режим морского берега чрезвычайно затрудняют локализацию древнего города. Разведочные археологические работы подтверждают высказанное ранее мнение о возможной локализации Фасиса восточнее совр. гор. Потн (М. Д. Бердзенишвили, К локализации Фасиса, «Труды Тбилисского ун-та», XXIII, 1942, на груз. яз.). Действительно, геологические бурения на глубине 10 м, произведенные при археологических разведках, показали, что территория гор. Потн и его восточная окраина (примерно на расстоянии 5—7 км от центра) в недалеком прошлом были заняты морем (на глубине 5—10 м распространены пески морского происхождения и найдены остатки морской фауны). На наличие в античную эпоху в этом районе глубокого залива как будто указывают и письменные источники (ср. Ptol., V, 9, 1). Следует также отметить, что возраст археологических памятников «молодеет» с востока на запад: так, в районе Чаладиди (примерно в 18 км к востоку от Потн, по обе стороны р. Риони) обнаружены памятники эпохи поздней бронзы и целая система поселений VI—V вв. до н. э., которые, несомненно, были предместьем или даже частью гор. Фасиса. В 5—6 км к западу известны памятники исключительно эллинистического периода, еще западнее, в районе совр. Патара Потн, открыты слои V—VI вв.

Интересно отметить, что именно так и понимали это сообщение Страбона и более поздние греческие авторы, которые описывали Колхиду по данным Страбоновой «Географии»³¹. А поскольку, по сведениям Страбона, святилище Левкотей «находится выше»³² названных рек (т. е. Фасиса, Главка и Гиппа), то создается основа для предположения, что интересующее нас святилище находилось в долине р. Риони, по ее среднему течению, между реками Цхенисцкали || Гиппа, Сулур (?) || Главк. В таком случае наиболее вероятно тождественность его с городищем, развалины которого открыты на территории поселка Вани, в 24 км к юго-востоку от узловой станции Самтредиа, в живописном ущелье р. Сулори — левого притока р. Риони.

Однако отождествлению святилища Левкотей с Ванским городищем (и вообще его локализации по среднему течению р. Риони) как будто противоречит двукратное сообщение Страбона о том, что храм «находится в стране мосхов». По сведениям некоторых греческих авторов (предшественников Страбона), в частности Гекатея Милетского³³ и особенно Геродота³⁴, мосхи (или меехи — восточногрузинские племена) занимали совр. Юго-Западную Грузию или даже более южные районы³⁵. Поэтому, прежде чем признать вероятную возможность локализации святилища Левкотей в долине р. Риони и его идентификацию с Ванским городищем, следует найти объяснение настоятельному утверждению Страбона о том, что святилище Левкотей «находится в стране мосхов».

В «Географии» Страбона пределы расселения мосхов (т. е. «страны мосхов») не совсем ясны³⁶. В одном случае мосхи названы непосредственными соседями колхов и даже жителями приморского района (XI, 2, 14). Однако едва ли только лишь это сообщение (которое, по словам Страбона, исходит «от историков Митридатových войн и заслуживает больше доверия») может служить сколько-нибудь надежным основанием для утверждения, что, согласно Страбону, северные пределы расселения мосхов в I в. до н. э. достигали р. Риони. С этой точки зрения, к сожалению, мало что дает также и локализация неоднократно упомянутых Страбоном «Мосхийских гор» (*Μοσχικὰ ὄρη*)³⁷, которые убедительно отождествлены с частью восточноопонтийского хребта (часть, тянувшаяся с нижнего течения р. Чорохи до района Трапезунд — Байбурд)³⁸.

На основе данных греко-римских источников признают, что на рубеже н.э. (как и позже) «страна мосхов» явно подразумевается на территории совр. Юго-Западной Грузии³⁹. По сообщению Страбона, «страна мосхов, в которой находится святилище (Левкотей. — О. Д.), делится на три части: одной владеют колхи, другой — иберы, третьей — армяны» (XI, 2, 18). Здесь отражена политическая ситуация II—I вв. до н. э.,

н. э. (подробнее см. О. Д. Л о р д к и п а н и д з е, Античный мир и древняя Колхида, Тбилиси, 1966, на груз. яз., резюме на русск. и англ. яз., стр. 50 сл., 160 сл.).

³¹ Ср., например, составленную в византийскую эпоху хрестоматию из «Географии» Страбона: *ἡ Φάσις ποταμὸς ἐξ Ἀρμενίας ὀρμώμενος, δέχεται ποταμὸς τὸν τῆς Ἰπποῦ καὶ τῶν Γλαυκῶν ἔξαιτον εἰς τὸν Πόντον πλησίον ὁμώνυμοι πόλεως* (=SC, I, стр. 170).

³² Выражение *ὑπερκεῖται* встречается у Страбона в самом различном значении (вероятно, соответственно тому, как представлял себе ту или иную географическую область источник Страбона). Чаще всего *ὑπέρ* у Страбона встречается в значении «юг»: I, 3, 21; XI, 2, 15 (?); XII, 3, 18. Иногда этим предлогом обозначается север или северо-восток: XI, 2, 1; VI, 4, 2; XII, 3, 18.

³³ Fr. 188. St. B. *Μόσχοι, Κόλχων ἔθνος προσεχὲς τοῖς Ματιηνοῖς*. Матненцы, соседи которых, по Гекатею, меехи, упоминаются и Геродотом (I, 72; III, 94; V, 49) и отождествляются с хурритским населением, жившим к западу и северо-западу от озера Ван: см. М е л и к ш в и л и, К истории древней Грузии, стр. 266; ср. Н. Ю. Л о м о у р и, Сведения греческих логографов о грузинских племенах, «Материалы по истории Грузии и Кавказа», вып. 35, Тбилиси, 1963 (на груз. яз.), стр. 40—42.

³⁴ Herod., III, 94.

³⁵ Подробнее см. М е л и к ш в и л и, К истории древней Грузии, стр. 105 сл.

³⁶ Ср. Strabo, XI, 2, 14, 17—18.

³⁷ Strabo, I, 3, 21; XI, 2, 1, 15; 12, 4; 14, 1; XII, 3, 18.

³⁸ С. Н. Дж а н а ш в и л а, Парнадр, Скидис, Мосхийские горы, «Труды», II, Тбилиси, 1952 (на груз. яз., резюме на русск. яз.), стр. 261—270; ср. ВДП, 1947, № 4, стр. 183, прим. 4; Н. Н и г о р о к в а, Георгий Мерчуле, Тбилиси, 1954 (на груз. яз.), стр. 429 сл., 484 сл.

³⁹ М е л и к ш в и л и, К истории древней Грузии, стр. 104.

когда под натиском усилившейся Армении иберы временно потеряли ряд своих областей: Хорзену, Гогарену и склоны Париадра (Strabo, XI, 14, 5)⁴⁰. Из них в интересующем нас районе находилось Хорзенэ (Χορζηνή), которое Г. А. Меликишвили связывает с упоминаемой Клавдием Птолемеем Котарзенной⁴¹ и отождествляет с областью Кларджети⁴². По сообщению же Страбона, отображающего ситуацию II—I вв. до н.э., «Хорзенэ и Камбисенэ»⁴³ — самые северные и наиболее покрытые снегом (области Армении), примыкающие к Кавказским горам, Иберии и Колхиде» (XI, 14, 4). Следовательно, Хорзенэ можно считать той областью, у которой на рубеже II—I вв. до н.э. соприкасались границы Армении, Иберии и Колхиды. Полагают, что название «Котарзенэ» (Хорзенэ?) сохранилось поныне в названии Годердз — перевала на Арсианском хребте по дороге из Самцхе в Аджарию⁴⁴.

Таким образом, в интересующее нас время политическая граница между Арменией и Иберией предположительно проходила по Арсианскому хребту. Еще севернее же «страна мосхов» была разделена между иберами и колхами. На их же границе, по словам Страбона, «в Иберии есть городок (πύλινος), город Фрикса, нынешняя Идэсса, хорошо укрепленное местечко на границе с Колхидой» (XI, 2, 18). Весьма вероятно, что упомянутая Страбоном Идэсса соответствует городу Одзрхе, который в древнегрузинских источниках упоминается как один из городов античной Иберии⁴⁵. Город этот локализуется в районе совр. Абастумани и как пограничная крепость в свое время охранял Зекарский перевал и дорогу, ведущую в Западную Грузию (т. е. Колхиду)⁴⁶. Следовательно, получается, что на рубеже II—I вв. до н. э. принадлежащая Колхиде или, скорее всего, Иберии часть «страны мосхов» охватывала, во всяком случае, южные склоны нынешнего Гадо-Ахалцихского хребта, который уже римский писатель Солин называл «мосхскими горами» (15, 19)⁴⁷. Эта территория непосредственно примыкает к Ванской области и отделяется от нее упомянутым выше хребтом. Поэтому весьма вероятно, что Страбоном или его информатором из-за столь непосредственной близости и Ванская область была отнесена к «стране мосхов»⁴⁸. Кроме сказанного, не исключена также возможность колонизации отдельными группами мосхов (месхов) Рионской низменности, занятой к тому времени в основном западногрузинскими племенами (мегрело-чанской языковой группы).

В специальной научной литературе уже хорошо известно, что мосхи (месхи), представляя собой восточногрузинское племя картов, сыграли важную роль в образовании Иберийского царства в III в. до н. э. Достаточно отметить, что название столицы Иберии — Мцхета — давно уже убедительно связывается с названием месхов (мосхов), так же как и наличие в языческом пантеоне Иберии месхо-хеттских божеств Армази, За-

⁴⁰ Согласно сведениям древнегрузинских источников, эти области были предметом распри до 70-х годов I в. н. э., когда Иберия окончательно вернула их; см. КЦ, I, стр. 50.

⁴¹ Claud. Ptolem., XII, 9: «... πρὸς μὲν τὰ Μοσχικὰ ὄρη ἡ Κατάρζηνη». Это название у исследователей ассоциируется с племенным названием katarza, упомянутым в надписи урартского царя Аргишти I, сына Менуа, — УРН, 127, V, 48; ср. Меликишвили, К истории древней Грузии, стр. 113.

⁴² Там же, стр. 113 сл.

⁴³ Горная зона области Камбисены локализуется по восточной части Бамбакского хребта и по Шах-дагу (С. Н. Джанашиа, К политической географии Иберского царства, «Труды», II, стр. 257 сл.).

⁴⁴ И. А. Джавахишвили, Введение в историю грузинского народа, I (Историко-этнологические проблемы Грузии, Кавказа и Ближнего Востока), Тбилиси, 1950 (на груз. яз.), стр. 261; ср. Меликишвили, К истории древней Грузии, стр. 112.

⁴⁵ КЦ, I, стр. 17.

⁴⁶ Л. Чилашвили, Города в феодальной Грузии, I, Тбилиси, 1968 (на груз. яз.), стр. 30—35.

⁴⁷ В отличие от Страбона, который, как мы уже отметили (см. прим. 38), «мосхскими» называет часть восточнопонтийского хребта от нижнего течения Чорохи до района Трапезунд — Байбурд.

⁴⁸ Весьма интересно и, конечно, очень важно, что и в настоящее время Ванская область экономически — лесом, пастбищами, рынком — тесно связана с Ахалцихско-Адигенскими районами, т. е. с исконными «мосхскими» областями.

дена и т. д.⁴⁹. По мнению Г. А. Меликишвили, в этот период в ареал движения месхских племен попадают и некоторые районы нынешней Западной Грузии. Весьма возможно, что именно отражением этих событий являются сведения Страбона (XI, 2, 14), в которых месхи (наряду с керкетами) фигурируют как непосредственные соседи колхов и как жители приморской полосы.

Также в связи с колонизацией Рионской низменности отдельными группами месхов следует рассматривать и некоторые топонимические данные. Так, например, по сообщению древнегрузинского историка Леонти Мровели, первый царь Иберии Фарнаваз (70-е годы III в. до н. э.) «построил две крепости — Шорапани и Димна»⁵⁰. Остатки крепости Димна открыты у совр. сел. Дими (Маяковский р-н ГрузССР) в непосредственной близости с Ванской областью⁵¹. По мнению Г. А. Меликишвили, это название («Димна») явно малоазийского происхождения и его появление связано с вторжением на эту территорию месхов⁵². Топонимом того же порядка рассматривается и Телефис — один из городов Лазики (западногрузинского царства IV—VI вв.), отождествленный с Тoleби (на территории совр. Грузии)⁵³, и др.

Большой интерес представляют и сведения византийского историка VI в. Прокопия Кесарийского (BG, VIII, 2): «... в областях, граничащих с этой страной (Лазики. — *Ο. Λ.*), главным образом вдоль самой Иберии, живут месхи (*Μέσχοι*), издревле (*ἐκ παλαιῶν*) являющиеся подданными иберов и имеющие жилища в горах. Горы же месхов (*ὄρη δὲ τὰ Μέσχω*) не кремнисты и не лишены плодородия. Напротив, они изобилуют всякими благами, а сверх того и сами месхи искусные земледельцы, и виноградники имеются там. В этой стране горы очень высокие, огромны и трудно доступны. Они тянутся до самых Кавказских гор, позади же них к востоку лежит Иберия, простирающаяся до Персармении. Через эти горы, которые здесь возвышаются, течет река Фасис, начинаясь с гор Кавказа и впадая в середину полумесячного залива Понта». Едва ли нуждается в доказательстве, что упомянутая здесь р. Фасис — это совр. р. Риони, которая, по утверждению Прокопия Кесарийского, течет через страну месхов. Совершенно очевидно, что месхи в описании византийского историка — «издревле (*ἐκ παλαιῶν*) жители восточных областей Западной Грузии — так называемой Имеретинской возвышенности, а также западных склонов Месхетского хребта, т. е. совр. Имеретии и Гурии. Более того, Г. А. Меликишвили обратил внимание, что приведенные выше сведения Прокопия Кесарийского о плодородии и наличии виноградников в стране месхов (BG, VIII, 2) перекликаются с описанием (BP, III, 14) восточных областей Западной Грузии — Мохириси⁵⁴. Если к этому добавить, что Мохириси в ряде случаев фигурирует как самостоятельная область⁵⁵, а по сведениям Прокопия, «издревле подвластна Иберии», мы получим еще одно интересное подтверждение сведений Леонтия Мровели⁵⁶ о том, что на территории Западной Грузии находились подвластные Иберии военно-административные области (саэристао) — «Аргвети» и «Самцхе и Аджара», о чем, кстати сказать, сообщают также и Плиний, и Арриан⁵⁷.

⁴⁹ Подробнее — Меликишвили, К истории древней Грузии, стр. 111.

⁵⁰ КЦ, I, стр. 24.

⁵¹ Г. Г. Цкитишвили, К вопросу о Шорапанском «эриставстве» античной эпохи, «Сборник по исторической географии Грузии», II, Тбилиси, 1964 (на груз. яз.), стр. 83.

⁵² Меликишвили, К вопросу о древнейшем населении..., стр. 87—93.

⁵³ С. Г. Каухчишвили, Сведения византийских писателей о Грузии, III, Тбилиси, 1963 (на груз. яз.), стр. 301—320.

⁵⁴ Меликишвили, К истории древней Грузии, стр. 67—69.

⁵⁵ Ср. Ргосор. Саес., BP, III, 14; BG, VIII, 17; II, 19, 22; III, 6—7, 15, 19, 28; IV, 9, 13.

⁵⁶ КЦ, I, стр. 24.

⁵⁷ По сведениям Плиния (VI, 12), у устья р. Апсара (Чорохи), находившегося в 140 000 шагах от Трапезунда, имелась крепость, носившая то же название (на месте совр. с. Гонно, около Батуми): «в этой местности за горами лежит Иберия» — *Eius loci a tergo montium Iberia est*. Флавий Арриан, совершивший инспекционную поездку вдоль южного и восточного побережий Черного моря в 131 г. н. э., где-то в районе к востоку от Трапезунда, в районе устья р. Чорохи, упоминает подвластное царю Иберии Фарману племя зидритов (PPE, 15).

Таким образом, следует предположить, что с раннеэллинистического периода начинается постепенное проникновение месхов (т. е. картвов — восточногрузинских племен) на территорию Западной Грузии, что приводит к картизации восточных областей Западной Грузии (совр. Имерети и Гурии, картоязычный характер населения которых для более позднего времени является хорошо известным фактом). Эти же процессы этнокультурной истории данного края находят яркое отражение и в археологических материалах, в частности в распространении одновременно в восточных областях Колхиды и в Иберии обряда кувшинных погребений, расписной керамики и др.⁵⁸

В силу всего изложенного, как нам кажется, не должно вызывать недоумения то, что определенную часть Рионской низменности Страбон называет «страной месхов» и, следовательно, святилище Левкотей можно локализовать в долине р. Риони, как об этом указывают и географические названия, упомянутые Страбоном при определении местонахождения святилища: это реки Фасис || Риони, Гиш || Цхенис-Цкали и Главк || Сулори (?). В таком случае нам, как уже было сказано, наиболее вероятным кажется отождествление святилища Левкотей с Ванским городищем.

Об идентификации Ванского городища с упомянутыми в письменных источниках географическими пунктами в специальной научной литературе уже имеются различные предположения. По мнению Н. В. Хоштариа, Ванское городище следует отождествлять с упомянутым Плинием и Клавдием Птолемеем городом Сурнем, а одноименную реку — с совр. р. Сулори. Это предположение датируется в основном на весьма сомнительной фонетической близости современного названия Сулори с упомянутой Плинием рекой (Су - л - ори, Су - р - и - ум)⁵⁹. По нашему мнению, идентификации Surium (Plin., HN, VI, 11, 13) и Σούριον (Claud. Ptolem., IX, 6) с Ванским городищем препятствует то простое обстоятельство, что, по сведениям Плиния, из городов Колхиды «... ныне существует только Сурий, названный по имени реки, впадающей в Фасис»⁶⁰, в то время как античный город Вани был основательно разрушен в середине I в. до н. э. и с тех пор не восстанавливался. Кроме того, следует отметить, что Surium — Σούριον давно уже убедительно локализован в районе совр. Свири⁶¹.

По утверждению С. Какабадзе, на территории совр. поселка Вани будто бы «уже в XIV—XIII вв. до н. э. (sic! — О. Л.) существовал город Эа»⁶². Даже если оставить в стороне то, что в окрестностях Вани нет и следов городского (!) поселения XIV—XIII вв. до н. э., то следует отметить, что предположения С. Какабадзе, к сожалению, основаны целиком на досадных недоразумениях и весьма своевольном переводе и интерпретации сведений Плиния⁶³.

⁵⁸ Подробно см. О. Д. Лордкипанидзе, Ванское городище (Раскопки. История. Проблемы), «Вани I», Тбилиси, 1972 (на груз. и русск. яз.), стр. 77 сл. (см. также прим. 85 данной статьи).

⁵⁹ Н. В. Хоштариа, Археологические памятники античного периода в Западной Грузии, АГ (на груз. яз.), стр. 223; о п а ж е, Археологические раскопки в Вани, «Кавказско-ближневосточный сборник», II, Тбилиси, 1965, стр. 66. Эту же точку зрения разделяет и Г. А. Лордкипанидзе — «Некоторые вопросы истории Колхиды II—I вв. до н. э.», «Мацне» (Вестник отд. общ. наук АН ГССР), № 2, 1968, стр. 124—128.

⁶⁰ Plin., HN VI, 11, 13: «... nunc habet Surium tantum».

⁶¹ С. Т. Еремян, Торговые пути Закавказья в эпоху Сасанидов, ВДИ, 1939, № 1, стр. 92 сл.; Н. Ю. Ломоури, Из исторической географии древней Колхиды, стр. 109 сл.

⁶² С. Какабадзе, Древнейший грузинский город, «Сабчота хеловнеба», 1959, № 5 (на груз. яз.), стр. 65 сл.

⁶³ По утверждению С. Какабадзе, «по античным источникам, древнейшим городом Колхиды является Эа». На самом же деле в наиболее ранних греческих источниках Эа (ἡ Αἶα) первоначально выступает как название страны (resp. Колхиды); ср. Негод., I, 2; VII, 193, 197; Apoll. Rhod., II, 1267). Лишь в сочинениях позднейших авторов Эа фигурирует как город (Strabo, I, 2, 39; Callimach., Pap. Berl., 11521; Plin., HN, VI, 11, 13; Schol. ad «Odys», IX; Schol. ad Euripid., «Alkest», 1024; Schol. ad Apoll. Rhod., II, 417; III, 1074). При этом местонахождение этого города определяется то около гор. Фасиса (Strabo, I, 2, 39), то на р. Фасис (Plin., HN. 1—13).

Было высказано также мнение, что «на территории нынешнего Вани находился тот город, который Аполлоний Родосский считает столицей Колхиды... Этот город и является административно-политическим центром Колхиды в IV—III вв. до н. э.»⁶⁴. Здесь, по нашему мнению, [совершенно игнорируется тот факт, что сам Аполлоний Родосский престольный город царя Ээта (и, следовательно, политический центр Колхиды) называет «Кутанис» (ἡ Κούτανις, Κούτανις)⁶⁵. Этим же именем называют город Ээта и другие писатели эллинистического периода (Ликофрон Халкидский⁶⁶, Каллимах Квиренский⁶⁷ и др.), город же «Кутанис» давно уже отождествляется с современным городом Кутанси⁶⁸.

Таким образом, все рассмотренные выше предположения кажутся нам неубедительными. Кроме того, они не касаются вопроса о характере самого города, остатки которого раскапываются в настоящее время на территории Вани⁶⁹. А при идентификации этого городища с упомянутыми в письменных источниках географическими пунктами следует в первую очередь установить назначение и характер основных сооружений и затем определить тип и функцию этого города.

Древнейший археологический материал, найденный на городище, датируется VIII—VII вв. до н. э. и представлен только отдельными керамическими фрагментами. В пределах же VI—I вв. до н. э. можно констатировать два основных этапа истории и развития городского поселения.

Первый период (VI—IV вв. до н. э.) представлен весьма фрагментарными остатками жилища, а главным же образом — культурными слоями и богатыми погребениями, исследование которых свидетельствует, что в этот период холм был местом пребывания местной знати (родовой аристократии) и представлял собой один из важнейших политических и торгово-экономических центров Колхиды. Все основные компоненты культуры: а) тип поселения; б) способы погребения (опущенные в скалистый грунт деревянные саркофаги, перекрытые каменной насыпью); в) золотые и серебряные украшения — витые диадемы с ромбовидными щитками (на золотых — чеканные изображения борьбы зверей), разнообразные серьги («лучеобразные», с ажурными сферически-

⁶⁴ А. В. Бохоцадзе, К вопросу о местонахождении столицы Колхского царства в IV—III вв. до н. э., САНГ, XV, № 2, 1967 (на груз. яз., резюме на русск. яз.), стр. 547—552.

⁶⁵ Ср. A p o l l. R h o d., Arg. II, 399, 403, 1094, 1267; III, 228, IV, 511.

⁶⁶ L y c o p h r., Alexandra, 1312 (ἡ Κούτανις). По определению схоластика — «Κούτανις δὲ ἡ Μήδεια, Κούτη γὰρ πόλις Κολχίδος».

⁶⁷ C a l l i m a c h., Pap. Berol. 11521 (Κούτανις).

⁶⁸ Еще в VI в. византийский историк Прокопий Кесарийский при описании Кутанси подчеркивал: «... по этой стране протекает река по имени Рион; в древности (ἐκ παλαιῶν) колхи построили здесь крепость, большую часть которой впоследствии они сами разрушили до основания, так как она была расположена на равнине и, по их мнению, давала легкий доступ и возможность ее завоевать. На греческом языке тогда (τῶτε) эту крепость называли Κούτανις, а теперь латы называют Κούτανιστιν. Так рассказывает Арриан... Другие же говорят, что в древности в этих местах был город и назывался он Κούτανις. Отсюда происходит Ээт... и вследствие этого поэты называют его Κούτανις, а страну Колхиды — Κούτανιδα» (BG, IV, 14); ср. Л о р д к и п а н и д з е, Античный мир и Колхида, стр. 40—44, 156 сл.

⁶⁹ Планомерные раскопки Ванского городища начались в 1947 г. под руководством Н. В. Хоштария и с некоторыми перерывами велись до 1963 г. Раскопки возобновились в 1966 г. и в настоящее время ведутся в сравнительно широких масштабах Археологической экспедицией Ин-та истории, археологии и этнографии АН ГССР под руководством автора этих строк. О раскопках в Вани см. Н. В. Хоштария, Археологические раскопки 1947 г. в с. Вани, «Мимохилвели», 1, 1949 (на груз. яз.), стр. 297—307; она же, Археологические исследования в Вани и Ванском районе, МАГК, II, 1959, стр. 149—162; она же, Археологические раскопки в Вани, «Кавказско-Ближневосточный сборник», II, Тбилиси, 1962, стр. 65—79; Н. В. Хоштария, О. Д. Лордкипанидзе, Р. В. Пугуридзе, Археологические открытия в Вани, «Сабчота хеловисба», 1968, № 1 (на груз. яз.); она же, Археологические находки в Вани в 1967 г., «Дзеглис мегобари», № 15, 1968 (на груз. яз.); О. Д. Лордкипанидзе, Ванское городище, «Цискари», № 7, 1968 (на груз. яз.); «Вани I» (Археологические раскопки в 1947—1969 гг.), сб. статей под ред. О. Д. Лордкипанидзе, Тбилиси, 1972.

ми подвесками, в виде калачиков и всадников) и подвески, всегда обильно украшенные пирамидками, треугольниками и другими геометрическими узорами из зерни, браслеты со скульптурными головками животных и т. д.; г) бронзовые изделия (котлы-ситулы); д) керамика — пифосы, кувшины с трубчатой ручкой, биконические сосуды, стаканообразные бокальчики и другие, часто украшенные традиционным колхидским геометрическим орнаментом, — аналогичны тому, что засвидетельствовано в VI—IV вв. до н. э. по всей Колхиде. В этот период, по всей вероятности, Вани и его окрестности входили в ареал расселения западногрузинских, т. е. мегрело-чанских (занских) племен. Поэтому VI—IV вв. до н. э. мы склонны называть колхским периодом истории города ⁷⁰.

С конца IV или с начала III в. до н. э. начинается новый этап в истории древнего города. При этом он резко отличается от поселения предшествовавшего периода не только внешним обликом, но и материальной культурой в целом.

В III—I вв. до н. э. город располагался на том же треугольном холме (площадью 12 га), разделенном на три террасы (рис. 1) и был укреплен довольно мощными оборонительными сырцовыми стенами (толщиной в среднем 2,7 м), воздвигнутыми на каменном цоколе. При этом весьма удачно были использованы естественные условия: с восточной и западной сторон защитой служили глубокие, недоступные овраги. В северной части города расположены городские ворота, построенные в начале III в. до н. э. из великолепно отесанных и плотно пригнанных насухо друг к другу квадров белоснежного цвета (рис. 2). У входа сохранился мраморный постамент для, к сожалению, не уцелевшей статуи богини-хранительницы. Неглубокий вертикальный паз по боковой стене служил для спуска железной решетки (катаракты), закрывавшей вход во время опасности. Внутри же на каменном пороге сохранились дугобразные царапины от вращения обитых железом дверей (калитки). Городские ворота с восточной стороны фланкировались полукруглой в плане башней. В целом архитектурный комплекс городских ворот построен по всем правилам эллинистической фортификации: строительная техника, конструктивное устройство ворот (основанное на принципе дипилона), система обороны, несомненно, восходят к греко-эллинистическому началу. Но вместе с тем довольно ярко выступает ряд особенностей, наличие которых обусловлено спецификой этого очень своеобразного города и которые, несомненно, восходят к местным традициям. Такова в первую очередь воздвигнутая с наружной стороны у входа статуя богини-хранительницы ⁷¹.

Еще больший интерес представляет то, что к основной стене городских ворот с внутренней стороны пристроено небольшое культовое здание, открытое с восточной стороны (рис. 3). У западной стены, точно посередине, воздвигнут каменный алтарь, вокруг которого были найдены приношения — 23 сосуда-миски, одноручные и двуручные кувшины, украшенные красными поясками, и пять амфор (так называемого колхидского типа). Все сосуды — местные изделия. Интересно, что две амфоры были наполнены просом. Просо же, по грузинским, в частности сванским и мегрельским, этнографическим данным, играет весьма важную роль в ритуале, связанном с божеством плодородия ⁷². С наружной стороны этого здания, в юго-западном углу, найдена огражденная вертикальными плитами небольшая каменная ванна, вырезанная в монолите. Аналогичной формы ванны засвидетельствованы в археологических памятниках

⁷⁰ Подробнее см. Л о р д к и п а н и д з е, Ванское городище..., стр. 3 сл.

⁷¹ Факт сооружения статуи богини-хранительницы у входа с наружной стороны, представляющий большой интерес, находит аналогии и в других городах Колхиды. Так, по сведениям Арриана, «при входе в Фасис стоит статуя Фасианской богини». Обычай воздвигать статуи у городских ворот с наружной стороны (необычное для греко-эллинистического мира) засвидетельствован на древнем Востоке, в частности при раскопках фригийских поселений (К. В и т т е л, Untersuchung auf Büjükkale, Mitteilungen der Deutschen Orient-Gesellschaft zu Berlin, 91; 1958, стр. 61 сл., рис. 61).

⁷² См. В. В. Б а р д а в е л и д з е, Образцы грузинского (сванского) обрядового графического искусства, Тбилиси, 1953 (на груз. яз.), стр. 121—124; о п а ж е, Календарь сванских народных праздников, Тбилиси, 1959 (на груз. яз.), стр. 28; С. М а к а л а т а, История и этнография Мегрелии, Тбилиси, 1941 (на груз. яз.), стр. 35.

Рис. 1. Схематический план Ванского городища:
 а) архитектурный комплекс городских ворот; 2) святилище с мозаичным полом; 3) ступенчатый алтарь; 4) круглый храм; 5) святилище амбаров; 6) общественные здания

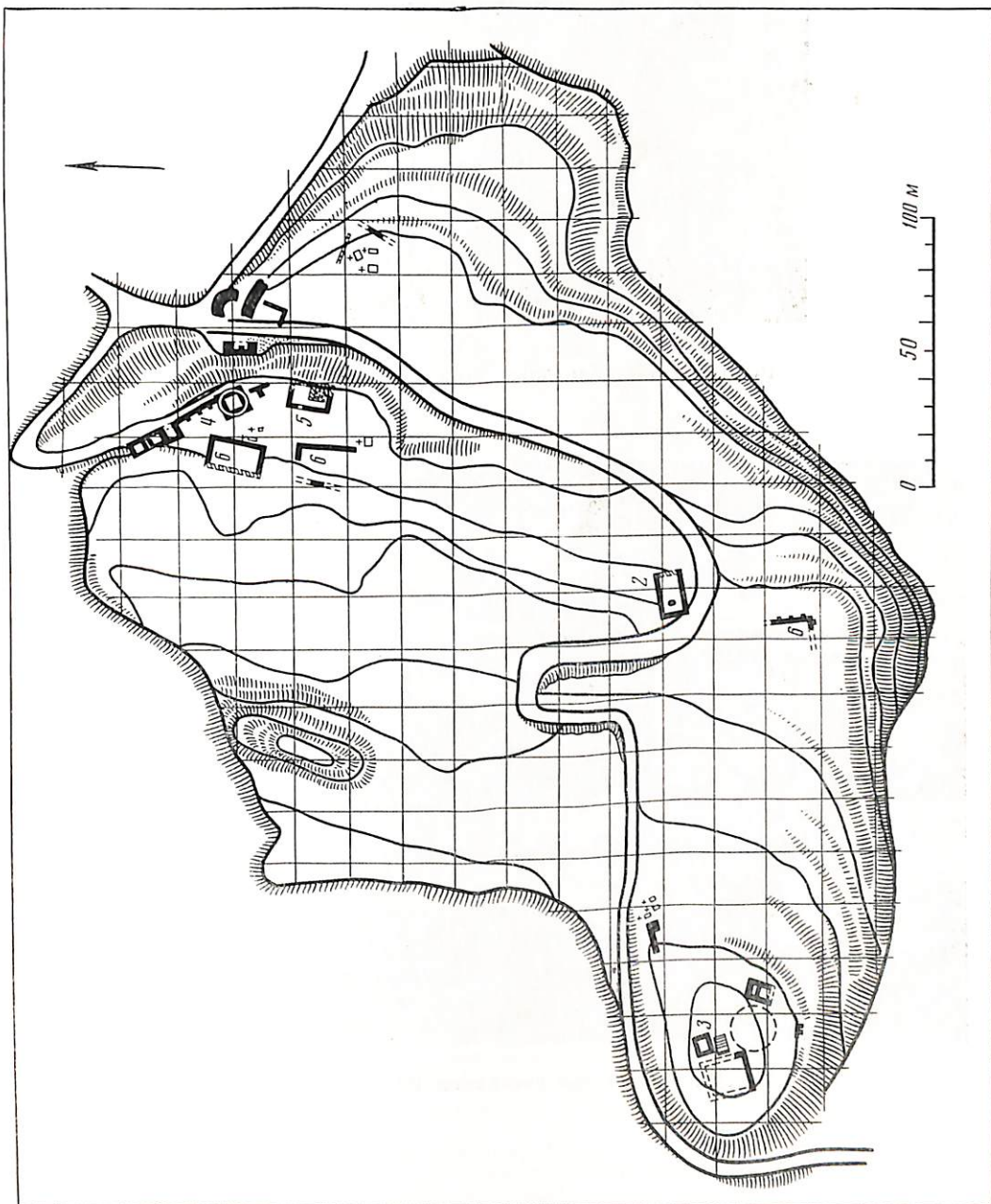

Рис. 2. Северо-Западный угол городских ворот

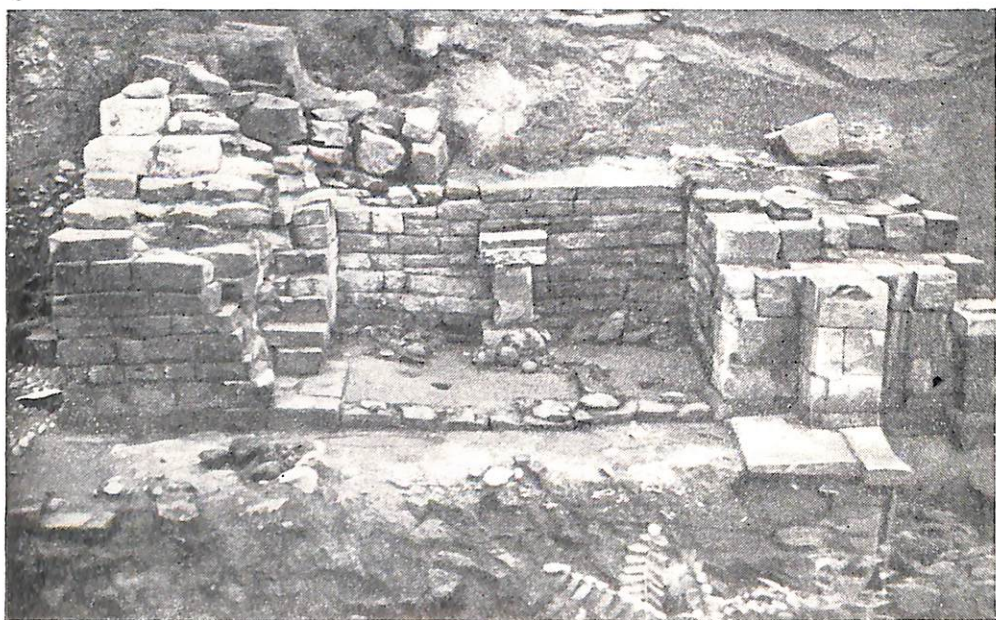

Рис. 3. Привратное святилище («Ворота Бога»)

Рис. 4. Мощенная мелким булыжником мостовая ведущая к привратному святилищу

Грузии уже с эпохи поздней бронзы и встречаются почти до последнего времени в горных районах Грузии, где они служат для возлияния крови жертвенных животных ⁷³. К этому в целом небольшому храмику-святилищу ведет мощенная мелким булыжником мостовая длиной 18 м и шириной 2 м (рис. 4).

Таким образом, у самых городских ворот воздвигнуто культовое здание-святилище, что несколько необычно для греко-эллинистических городов, но находит параллель в местных сакральных традициях, которые так отчетливо сохранились в этнографическом быту горных районов Грузии. Мы имеем в виду распространенное у восточногрузинских горцев понятие *гвтис кари*, т. е. «ворота бога». По исследованиям этнографа В. В. Бардавелидзе, «ворота бога» представляют собой одну из важнейших составных частей святилища восточногрузинских горцев наряду с храмом, советом и т. д. Во «вратах бога» выполняется целый ряд религиозных обрядов. К вратам божества население доставляло плоды своего служения божествам. Весьма интересно, что во всехевсурском святилище Сагмрто Гуданис Джвари «ворота бога» представляли собой помещение, огороженное с трех сторон невысокой грядой из камней. Внутри помещения находился алтарь-жертвенник из большой цельной каменной плиты с каменным основанием-ножкой ⁷⁴. Это этнографическое описание очень наглядно, как нам кажется, увязывается с тем культовым зданием, которое открыто нами в Вани у городских ворот. Так как Ванское городище мы рассматриваем как храмовый город, культовый центр, воздвиг-

⁷³ Пользуемся любезным сообщением проф. В. В. Бардавелидзе.

⁷⁴ В. В. Бардавелидзе, Древнейшие религиозные верования и обрядовое графическое искусство грузинских племен, Тбилиси, 1957, стр. 10.

путь в честь и во имя местного верховного божества, то в таком случае сооруженное у городских ворот культовое здание-святилище действительно является «воротами бога»⁷⁵.

Следует отметить еще одну деталь. В этом храме алтарь воздвигнут непосредственно у стены (впрочем, и как постамент для статуи!). Эта традиция сохранилась и в первых грузинских христианских церквях, где трапеза (наследие языческого алтаря) также была приставлена непосредственно к стене. Эта традиция была сохранена до позднего времени, даже тогда, когда византийская и русская православные церкви признали эту традицию в Грузии кощунством⁷⁶.

Весь этот комплекс построен в IV—III вв. до н. э. и разрушен вместе с остальными частями города в середине I в. до н. э.

Примерно в 200 м к юго-западу от городских ворот раскопано еще одно святилище, воздвигнутое во второй половине II в. до н. э. на месте более древнего здания. Оно представляет собой продолговатое прямоугольное сооружение длиной 13 м и шириной 5 м, в глубине которого стоял каменный столб-алтарь (рис. 5). В развалинах сильно разрушенного мозаичного пола, сложенного из гальки, найдены богатые приношения: 120 серебряных монет понтийского чекана II в. до н. э., у самого алтаря — огромный колхидский пифос для вина, а также около 40 колхидских амфор, которые были уложены в определенном порядке в восточной части святилища. В храме найдены также ритуальные предметы, в том числе железная курильница и сильно деформированный от огня огромный бронзовый сосуд, от которого сохранились скульптурные украшения: 18-сантиметровая статуэтка крылатой богини Никэ, три фигурки орлов с распростертыми крыльями и шесть горельефных головок (высотой 10—12 см) божеств, спутников Диониса: бородатого Пана, молодого Сатира, Ариадны, прекрасных менад. Все эти головки — украшения бронзового сосуда — выполнены в так называемом пергамском стиле и хорошо датируются второй половиной II в. до н. э.⁷⁷ Ритуальный сосуд, украшенный божествами Диониса — бога виноделия, пифос для вина и амфоры не оставляют сомнения в том, что святилище было связано именно с культом виноделия и виноградарства. Это интересное явление, засвидетельствованное археологическим открытием, находит поразительную параллель в сохранившихся грузинских этнографических материалах о культе винограда и винохранилища, называемого по-грузински «марани». Исследованиями грузинских этнографов⁷⁸ установлено, что в грузинском «марани», т. е. винохранилище, проводились религиозные и магические ритуалы, молитвы и жертвоприношения, сопровождаемые ритуальной распивкой вина, что было связано с народным представлением о виноградном соке, как священном напитке: без виноградного вина не могли обходиться не только люди, но и боги. Именно это верование было одной из причин распространения обычая посвящения вина богам. Посвященное богам вино в Грузии носило специальное название Зедаше⁷⁹. Напомню, что и в упомянутом выше культовом помещении были найдены около 40 местных амфор, несомненно представляющих собой подношения, т. е. Зедаше по древнегрузинской терминологии. Таким образом, картина, засвидетельствованная археологическими исследованиями, выявляет интересные параллели с грузинскими этнографическими материалами. Тем самым подтверждаются местные и древнейшие корни грузинских религиозных представлений. Вместе с тем они внешне принимают определенный эллинистический облик, тем самым отдавая дань моде и времени. Мы имеем в виду ритуальный сосуд, украшенный изображениями божеств круга Диониса — греческого бога, что можно было бы рассматривать как свидетельство наличия культа Диониса в Ва-

⁷⁵ Интересно отметить, что термин «ворота бога» в значении храма-святилища упоминается и в урартских эпиграфических памятниках; см. Г. А. М е л и к и ш в и л и, Напри — Урарту, Тбилиси, 1954, стр. 369—375.

⁷⁶ Ср. Д ж а в а х и ш в и л и, Материалы..., стр. 116 сл.

⁷⁷ Подробно о датировке и художественно-стилистическом анализе этих скульптурных украшений см. Л о р д к и п а н и д з е, Ванское городище..., стр. 70 сл.

⁷⁸ Б а р д а в е л и д з е, Древнейшие религиозные верования ..., стр. 65—75, Н. С. Т о п у р и а, Грузинский марани, «Дзеглис мегобари», Тбилиси, 1968, № 16 (на груз. яз.), стр. 29—35.

⁷⁹ Б а р д а в е л и д з е, Древнейшие религиозные верования..., стр. 65—75

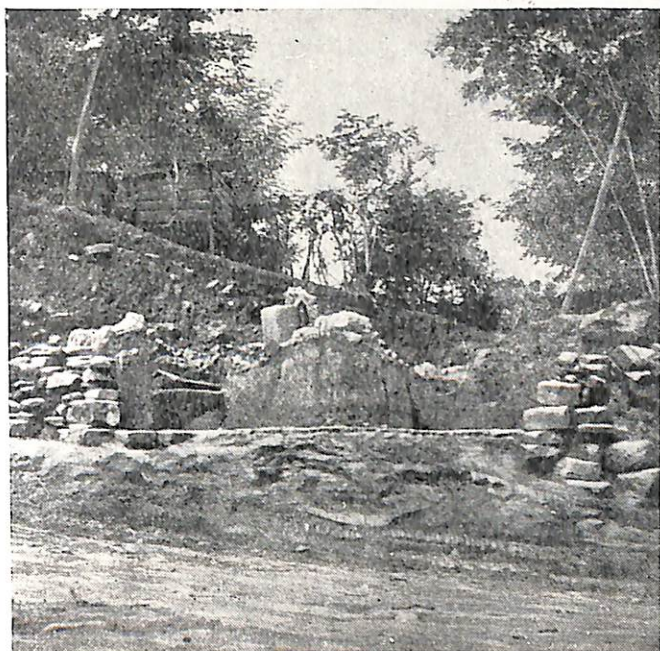

Рис. 5. Общий вид раскопок святилища с мозаичным полом в честь бога виноделия

Рис. 6. Ступенчатый алтарь

Рис. 7. «Круглый храм»

ни — одним из городов античной Грузии. Об этом же свидетельствуют и другие находки в Вани: терракотовые маски Диониса и его спутников Силена и Сатира⁸⁰.

Как выяснилось при раскопках, у городских ворот, с наружной стороны, устраивались даже праздники в честь Диониса. Об этом свидетельствуют терракотовая маска Диониса и остатки обуглившейся деревянной колонны (на которой, по-видимому, была подвешена маска), а также около 40 глиняных сосудов типа миниатюрных пифосов⁸¹.

Культы дионисийского характера в эллинистический период широко распространялись в странах древнего Востока⁸². Тем более понятно наличие культа Диониса, с оговоркой на его несомненно местную основу в Грузии, с ее стародавней, засвидетельствованной археологическими данными и древними авторами высокой культурой виноградарства.

Сложный и интересный комплекс культовых сооружений III—I вв. до н. э. открыт (раскопками Н. В. Хоштариа в 1947—1963 гг.) и на вершине холма. Хорошо сохранился ступенчатый алтарь⁸³ (рис. 6), на котором, вероятно, совершался торжественный церемониал жертвоприношения. К западу от алтаря выявлены фрагментарные остатки стен, по мнению Н. В. Хоштариа, от храма. Там же, в скале, вырублена довольно глубокая крипта. Остатки каменного жертвенника сохранились к югу от алтаря, почти у самого обрыва⁸⁴. Весь этот комплекс, раскопки которого далеко не за-

⁸⁰ К. И. Рампшвилл, Терракоты античной эпохи из Вани, «Вопросы истории Грузии, Кавказа и Ближнего Востока», Тбилиси, 1968, стр. 299 (на груз. яз.).

⁸¹ Этот любопытный факт, установленный нами при раскопках городища в 1966 г., как нельзя лучше перекликается с распространенными в античном мире весенними праздниками в честь Диониса (ср. И. Тренчени-Вальдапфель, Мифология, М., 1959, стр. 259). На распространение культа Диониса в Грузии указывают также сохранившиеся до последнего времени в народном быту некоторые весенние праздники, во время которых участники праздничного шествия надевали козы шкуры, маски и т. д., напоминающие мистерии в честь Диониса. См. Дж. Рухадзе, Грузинский народный праздник, Тбилиси, 1966 (на груз. яз., резюме на русск. и англ. яз.)

⁸² Ср. В. Тарн, Эллинистическая цивилизация, М., 1949, стр. 307, Г. А. Пугаченкова, Сосуд из Термеза с вакхической сценой, ВДИ, 1951, № 1.

⁸³ Н. В. Хоштариа это сооружение считала лестницей к монументальному зданию храмового типа: Хоштариа, Археологические исследования..., стр. 151.

⁸⁴ По своему плану и назначению этот жертвенник очень напоминает раскопанное в Ольвии сооружение — А. Н. Карасев, Монументальные памятники Ольвийского теменоса, «Ольвия» (Теменос и агора), М., 1964, стр. 102 сл.

вершены, был опоясан каменной стеной, остатки которой выявлены в северо-восточной части этого участка.

Целый ряд сооружений IV—I вв. до н. э. открыт уже на центральной террасе, представляющей собой одну из самых важнейших частей древнего города. Особый интерес вызывает так называемый круглый храм (рис. 7). Установлено, что на этом месте в конце IV и в первой половине III в. первоначально стояло прямоугольное здание, возможно аналогичное по плану привратному святилищу. От этого первоначального прямоугольного здания сохранились западные и восточные стены, сложенные из великолепно отесанных прямоугольных, плотно пригнанных насухо квадратов, а также высеченные в скалистом грунте гнезда для каменных квадратов фундамента, по которым удалось восстановить первоначальный план прямоугольного здания: его длина равнялась 11,4 м, ширина — 10,4 м (толщина стен 3 м). Пол был выложен плитами разных размеров.

Во второй половине III в. до н. э. на прямоугольном фундаменте было построено круглое, видимо, башнеобразное здание (внутренний диаметр 5,4 м). О культовом значении этого здания свидетельствует жертвенный желобчатый камень, найденный при раскопках этого сооружения.

На центральной террасе, по-видимому, было воздвигнуто еще одно, несомненно, монументальное здание, от которого пока что найдены лишь отдельные архитектурные детали. Особо следует отметить находки трех скульптурных львиных голов (рис. 8), высеченных из местного белого известняка, из которых две представляют собой часть симы с водостоком. Все они были одинаковых размеров: длина — 70 см, высота — 45 см и ширина — 36 см. Одна из них сохранилась полностью с конструктивной частью, по которой осуществлялось крепление с карнизом.

С художественно-стилистической точки зрения ванские львиные головы, несомненно, несут следы греко-эллинистического влияния. Оно выражается, с одной стороны, в постановке глаз, орнаментальном расчесе прядей, столь характерном для «классической» симы; с другой стороны, трагический облик сближает их с некоторыми образцами эллинистической скульптуры III—II вв. до н. э., в частности с памятниками «пергамского барокко». Но вместе с тем совершенно отчетливо выступают черты, характерные для древневосточной скульптуры: округленные и вертикально посаженные на голове уши, поперечные морщины в нижней части носа и в целом антропоморфный облик, характерный для поздних египетских изображений львиной протомы. Следует добавить, что изображение антропоморфизированных львиных масок было широко распространено в древней, средней и центральноазиатской коропластике. Таким образом, ванские львиные головы несут, как нам кажется, следы как греко-эллинистического влияния, так и древневосточных традиций. Этот факт будет иметь значение для характеристики того этнокультурного мира, в котором создавались эти и упомянутые выше памятники⁸⁵. Принадлежали они, вероятно, очень грандиозному зданию, несомненно храмового типа.

Рис. 8. Скульптурная львиная голова

⁸⁵ Носителями этих традиций также могли быть опять-таки только месхи, издревле занимавшие восточные окраины Малой Азии и имевшие непосредственные контакты, с одной стороны, с древневосточными цивилизациями, а с другой — с эллинистическим миром. Точно так же обычай воздвигать статую богини-хранительницы снаружи у городских ворот находит аналогии в археологических памятниках Фригии (ср. прим. 71). Возможно, и распространение дионисийских культов в Ване связано с племена-

Таким образом, отсутствие на территории городища жилых сооружений, а также культурных слоев, характерных для городских поселений обычного светского типа, с одной стороны, а с другой — обилие храмово-культовых зданий на всех трех основных террасах городища дают нам основание предположить, что это был храмовый центр, т. е. город-святилище.

Есть основание предполагать, как мы уже пытались показать, что именно об этом святилище идет речь, когда греческий географ Страбон (XI, 2, 17—18) при описании Колхиды рассказывает о разграблении Боспорским правителем Фарнаком, а затем Митридатом Пергамским богатого святилища богини Левкотей. О том, что античный Вани был богатым городом, довольно красноречиво свидетельствуют и археологические материалы. Кроме того, и следы двукратного разрушения и середине I в. до н. э. также отчетливо выявлены при раскопках Ванского городища. Раскопки показали, что при первом нашествии (боспорского правителя Фарнака?) были разрушены сооружения городских ворот, а затем основные здания центральной террасы, в том числе и круглый храм (его архитектурные детали и каменные квадры упали на развалины городских ворот). После этого жизнь возобновляется в основном только на центральной террасе: прямо на развалинах поспешно воздвигаются новые оборонительные стены и другие сооружения преимущественно с сырцовыми стенами. Да и те очень скоро вновь были основательно разрушены, вероятно, в 47 г. до н. э. Митридатом Пергамским...⁸⁶

Остается коснуться еще одного вопроса — почему же описанное выше святилище названо именем греческой богини Левкотей? Едва ли можно сомневаться, что под Левкотей⁸⁷ здесь подразумевается местное божество, которое по своим атрибутам напоминало⁸⁸ греческую Левкотею — белую богиню, морское божество — один из самых интересных персонажей греческой мифологии. По своему происхождению она была божеством плодородия и урожая (Ино-Левкотей), о чем свидетельствует ритуал жертвоприношения и другие черты, очень сходные с культом Деметры. Она считалась также покровительницей виноделия и виноградарства (как приемная мать Диониса). Вместе с тем в ряде случаев Левкотей выступает и как богиня-покровительница кузнецов-металлургов или иногда даже покровительница больных, а в частности, беременных женщин и т. д. Культ этой богини был очень популярен, особенно по всему Средиземноморью (в Египте существовал город богини Левкотей)⁸⁹. Однако трудно сейчас сказать, какое местное божество приняли греки за Левкотею⁹⁰. Для нас важно отме-

ми месхов, имевших исторические контакты с Фригией, где широко был распространен культ Диониса (S t r a b o, X, 5).

⁸⁶ Интересно отметить, что после этих разрушений на холме ничто не селилось вплоть до конца XVII в., когда его заняли переселенцы из горных районов Грузии (Лечхуми). В средние века холм по-прежнему считался священным местом и здесь стояла христианская церковь (см. Е. Т а к а и ш в и л и, Церковь в Ване, в Имерии, и ее древности, «Известия Кавказского историко-археологического института», II, 1917—1925, Тбилиси, 1927, стр. 85—110).

⁸⁷ Обращает на себя внимание одно очень интересное обстоятельство, а именно то, что сведения Страбона об этом святилище (XI, 2, 17) совершенно не сходятся с греческими мифологическими преданиями о культе Левкотей: согласно Страбону, «святилище Левкотей построено Фриксом...» и там «... находится его оракул...». Но ведь Фрикс и его сестра Гелла бежали в Колхиду на золоторунном баране от преследования именно своей мачехи Ино-Левкотей, и едва ли Фрикс стал бы ей строить такое святилище.

⁸⁸ О том, что греки при разъяснении «варварских» божеств называли их посредством персонажей греческой религии, красноречиво свидетельствуют сведения Геродота о скифах (IV, 59); ср. М. И. А р т а м о н о в, Антропоморфные божества в религии скифов, «Археологический сборник» (Гос. Эрмитажа), 2, 1961, стр. 57 сл.

⁸⁹ Подробнее см. L. P r e l l e r, Griechische Mythologie, III/1, В., 1921, стр. 601 сл., RL, II, стб. 2011—2017; RE, XII, стб. 2294 сл.

⁹⁰ При определении основ подобных идентификаций требуется исключительная осторожность, так как в древности божества разных народов нередко отождествлялись по формальным признакам. Так, например, с Левкотей отождествляли древнеиталийское божество Mater Matuta (богиня утра или рассвета), вероятно, только лишь потому, что во время ежегодных праздников (матралий) в честь этой богини женщины несли на руках детей своих сестер, а Левкотей считалась приемной матерью Диониса, сына ее сестры Семелы.

тить, что Левкотейя по своему внешнему виду была божеством воды и, по греческим религиозным представлениям, обительницей морских пучин. Естественно предположить, что Левкотейя у Страбона — какое-то верховное божество, во имя которого было воздвигнуто одно из самых прославленных и знаменитых святилищ языческой Грузии. Оно, как и греческая Левкотейя, было божеством плодородия, но мыслилось как водное божество. О том, что храмовый город в Вани был воздвигнут именно в честь божества-женщины, свидетельствует надпись у городских ворот около постаментов для не уцелевшей статуи богини-хранительницы: ἀρ[άμνι] ὦ ἄνασσ[σ]α («молю тебя, владычица») ⁹¹. Найденные же в привратном святилище среди приношений амфоры с просом, как уже указывалось выше, на основе грузинских этнографических данных должны были быть предназначены именно для божества плодородия.

Культовый божества воды на территории древней Грузии засвидетельствован весьма разнообразными данными ⁹². Пережитки этого культа дошли и до нас (но, естественно, под воздействием христианской религии в сильно измененном виде): среди жителей нынешней Западной Грузии, судя по этнографическим данным, сохранились представления о «матери воды», которая во время весеннего праздника в честь урожая выходила из моря в виде «белой богини» ⁹³ (вспомним, что и Левкотейя дословно означает «белую богиню») ⁹⁴.

О. Д. Лордкипанидзе

ON THE LOCATION OF τὸ τῆς Λευκοθέας ἱερόν

by O. Lordkipanidze

The «rich shrine» of Leukothea, mentioned by Strabo (XI, 2, 17) is placed by the author in the valley of the river Rioni (= Phasis || Φάσις) along its middle courses between the rivers Tskhenistskali (= Hippius || Ἴππος) and Sulori (= Glaucus || Γλαῦκος) and identified with the ancient town whose ruins have been uncovered on the territory of the modern village of Vani, 24 km. to the southeast of the railway junction town of Samtredia.

Excavations carried out under the direction of the author have established that in the III—I centuries B. C., the town stood on a triangular hill with an area of 12 hectares, which was divided into three terraces and surrounded by a defensive wall. Uncovered so far are the architectural complex of the city gates and a shrine that stood near the entrance, also a pavement of small cobbles, a stepped altar of the III—II centuries B. C., a second-century shrine dedicated to the god of the vine, a «round temple» erected in the second half of the III century B. C., etc. The absence anywhere on the site of dwellings as well as the cultural layers one would normally expect in an urban community of the usual secular type, and on the other hand, the large number of temples and other cult buildings on all three of the main terraces favors the assumption that this was a temple city.

⁹¹ Т. С. Каушчишвили, Греческие надписи Вани, Сообщ. АН ГССР, XVIII, № 1, 1967, стр. 253—258.

⁹² Т. К. Микеладзе, К вопросу об этнической принадлежности фasianов, «Материалы по истории Грузии и Кавказа», вып. 32, Тбилиси, 1955 (на груз. яз., резюме на русск. яз.), стр. 34 сл.

⁹³ Макалатиа, История и этнография Мегрелии, стр. 331—337.

⁹⁴ С идентификацией Ванского городища со святилищем Левкотейя еще не решается вопрос о местном названии этого древнего города. Название «Вани» для обозначения данной местности не фигурирует ни в средневековых источниках (для обозначения целой области, в которую входил Вани, встречается название «Сачино» — см. Вахушти Багратиони, Описание царства грузинского, Тбилиси, 1941, на груз. яз., стр. 150). Термин «Вани» в древнегрузинских литературных произведениях встречается в V—VI вв. в значении «дом», «пристанище». В Западной Грузии известны несколько географических пунктов (преимущественно монастырского типа) с названием Вани (см. И. А. Джавахишвили, Материалы по истории вещественной культуры грузинского народа, 1, Тбилиси, 1946, на груз. яз., стр. 7—9).